

Аврускина Елена Борисовна

ПРИЗНАКИ СТИМУЛИРУЮЩЕЙ КОММУНИКАЦИИ В ПЕРИОД СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В статье анализируются манипулятивные аспекты коммуникации, характерные периоду Средневековья, отразившиеся в педагогике тех времен, с целью понимания исторических корней педагогического стимулирования. Автор, основываясь на ментальных и психологических характеристиках Человека Средневековья, а также манипулятивном жизненном укладе социума Средних веков в целом, делает вывод о неизбежном проникновении в педагогику того времени манипулятивного подхода к воспитанию подрастающих поколений.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/6-3/52.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 6(60): в 3-х ч. Ч. 3. С. 177-179. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/6-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

13.00.00 ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 37.01

В статье анализируются манипулятивные аспекты коммуникации, характерные периоду Средневековья, отразившиеся в педагогике тех времен, с целью понимания исторических корней педагогического стимулирования. Автор, основываясь на ментальных и психологических характеристиках Человека Средневековья, а также манипулятивном жизненном укладе социума Средних веков в целом, делает вывод о неизбежном проникновении в педагогику того времени манипулятивного подхода к воспитанию подрастающих поколений.

Ключевые слова и фразы: стимулирующая коммуникация; манипулятивная коммуникация; средневековая система социальных ценностей; программирующее церковное воспитание; целеполагание.

Аврускина Елена Борисовна, к. пед. н.
Ростовский государственный университет путей сообщения
avruskina@mail.ru

ПРИЗНАКИ СТИМУЛИРУЮЩЕЙ КОММУНИКАЦИИ В ПЕРИОД СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Все социальные явления в нашем обществе имеют тенденцию развиваться, проходить некие периоды становления и совершенствования. Стимулирующая коммуникация не исключение. На наш взгляд, одним из этапов ее становления является манипулятивная форма коммуникации. В начале появились действия, которые по своей сути были направляющими и подталкивающими, позже сложились понятия воздействия и управления человеком, спустя еще некоторое время сформировалось представление о манипуляции, а затем и манипулятивной коммуникации, от которых отделилось стимулирование и стимулирующая коммуникация, нашедшие свое применение в педагогике. Соответственно, заглянуть в исторические корни стимулирующей коммуникации можно лишь рассмотрев манипуляцию как этап ее развития.

Ментальность и психологические характеристики Человека определенного исторического периода порождают соответствующий тип воздействия на него, манипуляции им, с соответствующими характерными особенностями. Период Античности (VIII в. до н.э. – VI в. н.э.) и, соответственно, свойственные ему черты стимулирования, частично утерянные с течением времени, частично трансформировавшиеся в иные формы, постепенно сменился периодом Средневековья (V-XVI вв.) с его не только перенятыми из Античности чертами стимулирования, но зачастую кардинально новыми их формами.

В. Шкуратов, изучая психологическую историю эпох, отмечает мнение В. Соловьева о том, что в период Средневековья сложилось одновременно полуязыческое и полухристианское мировосприятие, и говорит о мирном сосуществовании верований в колдовские, потусторонние, темные силы и в предопределенность обстоятельств жизни по воле всемогущего Бога. Религиозный «Страх Господень» был равен совести, а демонстрация светскости приравнивалась к аморальности. Вместе с тем, магия, как и христианская вера, являлась «столпом средневекового мировосприятия» [6].

Историки ментальностей, опираясь на работы И. Хейзинги, М. Блока, Л. Февра, Р. Мандру, Ж. Дюби, Ж. Ле Гоффа, говорят о том, что Человек Средневековья полон разнообразных страстей, по детски искренно душевно возбудим и отзывчив, чувствителен до слез, но полярно эмоционален, необуздан, порой до жестокости; более того, он характеризуется единством интеллекта и эмоций, «аффективно окрашенным знанием» [Там же]. Его «Я» состояло из неосознаваемых им суеверий, бесхитростных мировоззрений и предрассудков, через призму которых он воспринимал окружающую действительность.

Вышеописанная характеристика Человека Средневековья дает понимание того, что подобное сочетание противоположностей во всем, будь то вера в Бога или в магию, готовность проявлять искреннее сочувствие, а через полчаса уже демонстрировать жестокость – все это являлось неисчерпаемым источником для манипуляций. Эмоциональной и психологической нестабильностью населения успешно пользовались как светские правители, так и церковная власть. Аффективно окрашенное знание Человека Средневековья – это та кнопка, нажатие на которую запускало процесс манипуляции. В историческом контексте периода Средневековья существует множество тому доказательств и подтверждений – поведение церковных служителей, Суд Божий [2] и «доказательство чудом» [3], публичные судебные дуэли и сожжения «ведьм» на костре, казни неугодных правителю на эшафотах и стратегические ходы, подавляющие недовольства простого народа, Крестовые походы и крестоносцы, тамплиеры, ассасины [4] и т.д.

Среди многих инструментов манипуляции периода Средневековья можно выделить:

– *слухи*, эффективность которых возможно определялась тем, что, по мнению Л. Февра [6], одним из наиболее аффективных видов восприятия Человека Средневековья был слух, наряду с осязанием и обонянием, а не зрение;

– подчинение ментальности *мышлению символами* во всех сферах жизни, в том числе в теологии, литературе и искусстве Средневековья; рукописные тексты, книги религиозного характера, сакральные символы, алхимические, астрологические, каббалистические знаки, постоянно переписываемые и трактуемые до такой степени, что мышление полностью занято многослойными буквенными символами, не дающими точного, однозначного смысла. «Густейшая вязь переводов, ссылок, параграфов равно питает символическую мысль и символическую фантазию» [Там же];

– «авторитеты», т.е. «доказанная древность» [3], а именно – опыт предыдущих поколений и суждения уважаемых, авторитетных личностей. Священное Писание и высказывания служителей Церкви разбирались на цитаты, которые в свою очередь начинали восприниматься как «авторитетные», т.к. первоначально изрекались авторитетной личностью. Пояснение, что идея или мнение заимствовано из прошлого, чем оно древнее, тем лучше, было в период Средневековья обязательным. В итоге, бесконечное цитирование приводило к ограниченному мировосприятию, тормозило интеллектуальное развитие и прогресс в целом, а «авторитеты» управляли всем;

– *силу традиций и ритуалов*, имевшую неограниченное влияние и мощь воздействия в рамках средневекового социума, являющуюся отпечатком традиционного крестьянского общества, где завещанная предыдущими поколениями мудрость передавалась только избранным из уст в уста [Там же];

– *веру в чудеса*, привлекавшую возможностью вмешательства сверхъестественных, обычно божественных, сил, спасающих человека в критической ситуации и тем самым выделявшую его из социума и подчеркивающую его особенность [Там же];

– *изобразительное искусство*, иконографию в частности, с ее нравоучительным содержанием и эмоциональным воздействием, являющуюся эстетически и исторически значимой «литературой для мирян» [Там же];

– *приемы диалектики*, направленные на осознание мира как единства полярных явлений: духовного и светского, чудесного и земного, жизни и смерти [Там же];

– *разрыв между идеальным и реальным* (например, между обычным питанием, праздничным и частой реальностью – голодом): чем меньше возможностей удовлетворить первичные потребности, тем шире манипулятивное поле воздействия [6];

– *чувство страха*, страха почти за все и перед всем – материальная обеспеченность, духовная двойственность, власть божеская и человеческая, авторитарность заповедей и запретов, разрыв привычных социальных связей, неуверенность в будущем, силы природы, голод, болезни, смерть и загробное воздаяние в раю или аду и т.д. [Там же].

Средневековье было полно не только потенциальными источниками манипуляции – ритуализованность во всем, дистанцированность от всего нового, незнакомого, а следовательно чужого, формализованность коммуникации, чрезмерное многословие и символизм, социальное мифотворчество, особенно о сотворении чудес и т.д. Оно неизбежно породило неординарных для своей эпохи личностей, которые могли взглянуть со стороны на всеобщий манипулятивный жизненный уклад.

К примеру, церковный деятель и философ Августин Аврелий (354-430 гг.), исследовавший аспекты манипуляции личностью и сознанием. Он пришел к следующим выводам: Церковь, являвшаяся государством в государстве, правившая наряду с королями, а зачастую и имевшая в некоторых вопросах больше власти и влияния, поколение за поколением воспитывала своих прихожан, формируя у них при помощи манипулятивных средств и приемов ту степень послушания и то мировоззрение, которые позволяли ей управлять и безоговорочно подчинять все население. «Предоставьте нам ребенка до 7 лет – и потом делайте с ним, что хотите, он уже наш», – говорили иезуиты [4].

«Августин Аврелий отмечал, что скрытое управление особенно актуально именно в детском возрасте и служит благородной цели – воспитанию ребенка в духе общепринятой морали» [5]. Тем не менее, он обращал внимание и на негативные последствия такого обучения. В процессе воспитания мальчишкам и юношам прививалась потребность следовать догматам и канонам Церкви и вставать на их защиту в случае инакомыслия, что позволяло формировать сознание граждан так, чтобы без труда ими управлять. Эффективность такого религиозного (манипулятивного!) воспитания подтверждается многочисленными Крестовыми походами, с легкостью инициированными Церковью. Призыв встать на защиту Христианской религии не мог не найти отклика в умах молодых мужчин, искусно запрограммированных в рамках средневековой системы социальных ценностей. Мало кто осознавал, что под благородной религиозной целью скрывается обыкновенная жажда наживы и власти [Там же]. Однако Августин Аврелий полагал, что общество не может обходиться без манипуляции, т.к. она необходима не только для предопределения последовательности действий общества, но и для создания иллюзии у социума, что он действует по собственной инициативе, а не по принуждению, поскольку добрая воля в совершении действий гораздо более эффективна, чем открытое давление [1]. Но несмотря на это Августин Аврелий отмечал, что осознать, что тобой манипулируют, предположительно реально, а заметив это бороться с манипуляцией можно и особенно нужно, если цели, преследуемые манипулятором, неблагоприятны и преступны [5].

Фома Аквинский (1225-1274 гг.), последователь идей Августина Аврелия, придерживался мнения, что без определенного направляющего толчка, придающего целенаправленность действию, человек не может совершить деяния, поскольку факта целенаправленности не было. Получить цель действия можно только из социума. Соответственно, без манипуляции обойтись невозможно. Она дает человеку ресурс идти к определенной цели, даже если она была поставлена кем-то иным. Манипуляция необходима как средство ненасильственного

управления. Фома Аквинский также допускал, что благовидная цель может быть достигнута неблаговидными средствами, но применение их в данном случае будет оправдано тем, что благовидная цель достигнута. Таким образом, использование манипуляции со всеми ее положительными и отрицательными коннотациями можно считать не предосудительным и обоснованным в случае достижения благих целей [Там же].

Постоянная готовность приобщиться к великому, «авторитетному», к трактовке символов, истинный смысл которых порой ускользал за многослойностью восприятия, к познанию сверхъестественного и потому таинственного не могла не отразиться и на педагогике, которая в разгар Средневековья характеризовалась следующими аспектами:

- Церковь стремится воспитать послушную паству, формируя у прихожан еще в детском возрасте стереотипы поведения, при которых сомнений в «правильности» поступков священнослужителей не возникает;
- знание и нравоучительная литература – мозаика «сентенций», сборники авторитетов и стереотипных примеров, повторяемые до бесконечности, и вникать в их смысл нет необходимости, поскольку доверие к «авторитетному» источнику не подвергается сомнению;
- в основу обучения закладывается изучение слов и грамматики языка, символики чисел, открывающих доступ к потаенным смыслам авторитетных изречений, привлекающих своей неизведанностью и доступностью лишь избранным; грамматика, риторика, диалектика возводятся в ранг искусства;
- иконография обучает, являясь наглядным пособием, иллюстрирующим добродетели и пороки, тем самым поддерживая «программирование» церковного воспитания;
- чудеса и необъяснимые явления природы – достойный изучения предмет науки, их почитание способствуют пониманию зыбкости Мира [3].

В период Позднего Средневековья педагогика, готовясь к переходу в Новое время, постепенно приобретала и иные характеристики [Там же]:

- изобретение книгопечатания и появление «университетской» книги с ее прикладным назначением (в отличие от церковной, воспринимаемой как некое драгоценное духовное сокровище) дают инструмент познания;
- письменный текст имеет функцию доказательства;
- схоластика с ее «диспутами» вводит практику логического обоснования аргумента без ссылок на авторитеты, которые принимались как аксиома, проведения экспериментов и наблюдений; «...схоластический метод вел к осознанию личностью ее интеллектуальной ответственности...» [Там же];
- разрыв между теоретическими выводами и практическими исследованиями в университетах велик; и т.д.

Исходя из вышеперечисленного, можно сделать вывод, что откровенно манипулятивные методики, применяемые в системе обучения в Средневековье, на исходе этого периода начинают терять свои позиции, трансформируясь в более мягкие способы воздействия на воспитуемых. Эта тенденция в дальнейшем продолжит свое развитие. Ее итогом в современной педагогике станет применение по отношению к обучаемым стимулирующей формы коммуникации.

Список литературы

1. **Августин Аврелий.** О свободе воли [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.rus.ec/b/305808/read> (дата обращения: 12.04.2016).
2. **Кара-Мурза С. Г.** Манипуляция сознанием [Электронный ресурс]. URL: http://www.kara-murza.ru/books/manipul/manipul_content.htm (дата обращения: 12.04.2016).
3. **Ле Гофф Ж.** Цивилизация средневекового Запада [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Goff/ (дата обращения: 12.04.2016).
4. **Манипуляция сознанием людей** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.grandars.ru/college/psihologiya/manipulyaciya.html> (дата обращения: 12.04.2016).
5. **Петракова А. С.** Социально-философский анализ трансформации сознания личности средствами манипулятивного воздействия [Электронный ресурс]: дисс. ... к. филос. н. Краснодар, 2014. 201 с. URL: <http://cheloveknauka.com/v/487848/d?#?page=1> (дата обращения: 12.04.2016).
6. **Шкуратов В.** Историческая психология [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Schkur/index.php (дата обращения: 12.04.2016).

MARKERS OF STIMULATING COMMUNICATION IN THE MIDDLE AGES

Avruskina Elena Borisovna, Ph. D. in Pedagogy
Rostov State Transport University
avruskina@mail.ru

The article analyzes the manipulative aspects of communication typical during the Middle Ages, which were reflected in the pedagogy of those times, in order to understand the historical roots of pedagogical stimulation. The author, basing on the mental and psychological characteristics of the person of the Middle Ages, as well as on the manipulative lifestyle of the society of the Middle Ages in general, concludes about the inevitable penetration of the manipulative approach to the education of the younger generations into the pedagogy of that time.

Key words and phrases: stimulating communication; manipulative communication; medieval system of social values; programming church education; goal-setting.